

Анисимова Татьяна Валентиновна
Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России
г. Калининград, Российская Федерация
atvritor@yandex.ru

Принципы построения системы ценностей юридического дискурса

Аннотация

Риторический подход к описанию жанров требует внесения в модель жанра параметра «ценности», часто игнорируемого исследователями. Целью настоящего исследования является систематизация видов ценностей, характерных для юридического дискурса и входящих в состав жанров юридического общения.

С помощью риторического анализа и контент-анализа на первом этапе, а также сопоставительного анализа на втором этапе были изучены разнообразные тексты, представляющие юридический дискурс, в которых были проанализированы наиболее характерные для них виды ценностей. Поскольку юридические тексты многих жанров недоступны для посторонних (напр., допрос следователя, юридическая консультация и т. п.), изучение актуальных для юридического дискурса жанров проводилось на материале художественной литературы и фильмов о работе юристов разных специальностей. Наблюдения показывают, что в целом общие особенности риторических жанров правильно отражаются в таких материалах. В результате установлено, что система ценностей юридического дискурса состоит из пяти уровней: 1) охраняемые законом универсальные ценности, воспринимаемые как благо всеми людьми; 2) базовые ценности (ключевые ценности права); 3) личностные ценности, регулирующие взаимоотношения между участниками общения; 4) ценности, соответствующие основным направлениям деятельности, сгруппированные а) по отраслям права и б) по видам деятельности; 5) ценности конкретного жанра, направленные на добывание, распространение и интерпретацию юридически значимой информации.

Ключевые слова: риторика, юридический дискурс, иерархия ценностей, риторические ценности, риторическая аргументация, этика оратора, воздействующая речь

© Анисимова Т. В. 2025

Для цитирования: Анисимова Т. В. Принципы построения системы ценностей юридического дискурса // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Вып. 11, № 2. С. 5–22. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-2-5>

Tatiana V. Anisimova
Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Kaliningrad, Russian Federation
atvritor@yandex.ru

Principles of building a value system of legal discourse

Abstract

The rhetorical approach to genre description requires the “value” parameter, often ignored by researchers, to be introduced into the genre model. This study aims to systematize the types of values characteristic for legal discourse as belonging to certain genres of legal communication. Rhetorical and content analyses at the first stage and comparative analysis at the second stage were used to examine various texts representing legal discourse with the focus on the most characteristic types of values verbalized in them. Since legal texts of many genres are inaccessible to outsiders (e. g., interrogating an investigator, legal advice, etc.), the study of genres relevant to

legal discourse was conducted on the material of fiction and films about the work of lawyers in various fields. Observations show that, on the whole, the general features of rhetorical genres are adequately reflected in such materials. As a result, the value system of legal discourse consisting of five levels was designed: 1) universal values perceived as good by all people and protected by law; 2) basic values (key legal values); 3) personal values regulating relationship between communicating participants; 4) major legal values grouped by (i) fields of legal practice and (ii) particular legal activities; 5) particular legal genre values meant to derive, spread and interpret essential legal information.

Keywords: rhetoric, legal discourse, hierarchy of values, rhetorical values, rhetorical argumentation, ethics of the speaker, influencing speech

© Anisimova T. V. 2025

For citation: Anisimova, T. V. (2025). Printsipy postroeniya sistemy tsennostey yuridicheskogo diskursa [Principles of building a value system of legal discourse]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 11 (2), 5–22. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-2-5>

1. Введение [Introduction]

Интерес к исследованию речевых жанров, возникший в коммуникативной лингвистике во второй половине XX столетия, привёл к появлению многочисленных научных трудов, посвящённых анализу различных жанровых форм. Особое внимание было уделено жанрам бытовой речи, однако и наиболее частотные жанры институционального дискурса, играющие ключевую роль в освоении норм профессиональной коммуникации, привлекли некоторое внимание исследователей. С течением времени интерес к изучению жанровой специфики в нашей стране постепенно ослабевал, и научное сообщество переключилось на решение более глобальных вопросов организации речевого взаимодействия. Тем не менее детальное описание всего набора жанров представляется необходимым для построения основ эффективного профессионального общения, поскольку «чем большее число жанровых стереотипов (фреймов) официальной (институциональной) коммуникации включает в себя сознание языковой личности, тем выше его коммуникативная компетенция» [Седов, 2007, с. 17]. Институциональный дискурс характеризуется наличием устойчивых жанровых форм, привязанных к типичным коммуникативным ситуациям, что позволяет систематизировать и описать все необходимые жанры по одной модели. Достижение этой цели явится важным шагом на пути создания не только полноценной теории речевых жанров, но и научной методики формирования коммуникативной компетенции у студентов вузов. Такое понимание постепенно приобретает всё больше сторонников [Монгина, Говорухина, 2021 ; Сердобинцев, 2023 ; Ковшикова, Шиндряева, 2024].

Проблема, однако, состоит в том, что когда филологи оценивают степень сформированности коммуникативной компетентности специалиста, они, как правило, ограничиваются описанием только её общей речевой формы. Так, Т. Ф. Волкова, обобщая анализ работ филологов, разбиравшихся в причинах эффективности профессиональной речи выдающихся судебных ораторов конца XIX века, приходит к выводу, что «главные черты речи судебных ораторов, считающихся эталонами красноречия: смешение стилей, правильность, точность, логичность речи, богатство и выразительность языка» [Волкова, 2019, с. 38]. И далее, переходя к анализу выступлений одного из современных адвокатов (А. Г.), исследователь пишет, что эти качества, по-прежнему остающиеся базовыми, считаются основным условием эффективности, убедительности современной судебной речи [Волкова, 2019, с. 39]. Таковыми качествами оказываются соблюдение ад-

вокатом орфографических, пунктуационных и стилистических норм, использование большого количества отглагольных существительных, пассивных конструкций и глагольно-именных форм.

Вместе с тем на практике оценка качества речи адвоката производится совсем по другим параметрам. С. И. Володина приводит результаты анкетирования судей судов общей юрисдикции. Им задавали вопрос: что заставляет их слушать / не слушать выступления защитников в прениях. Характерно, что речевая грамотность и стилистическая однородность текста нигде не фигурировали в качестве ответа. Главными причинами невнимания и отсутствия интереса к речи по содержанию реципиенты считали банальность, предсказуемость и бездоказательность речи, а по форме – затянутость, шаблонность и излишняя эмоциональность [Володина, 2009]. И далее автор приводит мнение психолога Л. А. Журавлевой о том, что доверие судей к адвокату опирается на «психологическое, личностное сходство, общность разделяемых социокультурных норм и ожиданий, правил и стандартов поведения» [Володина, 2009], т. е. на общие ценности. Из этого следует, что для повышения эффективности профессиональной коммуникации более важным является риторический подход, состоящий в анализе того пути, который должен пройти оратор, чтобы добиться запланированного воздействия на аудиторию [Анисимова 2011].

Риторический подход к описанию жанров требует внесения в модель жанра параметра «ценности», который на практике часто игнорируется исследователями. Соответственно, целью настоящего исследования является систематизация видов ценностей, характерных для юридического дискурса и входящих в состав жанров юридического общения.

2. Теоретическое обоснование [Theoretical background]

В самом общем значении «ценности – это смысловые универсалии, уникальные для каждой личности, полученные путём обобщения типичных ситуаций, с которыми обществу или человечеству приходилось сталкиваться в истории» [Франкл, 1990, с. 26]. Ценности изучаются разными науками (даже близкими по целям и способам исследования действительности) с разных точек зрения. Так, если философа интересует сама ценность, но не её понятийно-образное воплощение, а для лингвокультуролога значимы прежде всего механизмы этого воплощения [Слышкин, 2017, с. 6], то для риторики наибольший интерес представляет изучение места ценностей в структуре риторической аргументации и приёмов их использования для достижения запланированного результата. Соответственно, когда «возникает потребность в более крупной исследовательской единице, в которую ценность включается в качестве одного из элементов» [Слышкин, 2017, с. 6], лингвокультуролог такой единицей считает лингвокультурный концепт, а ритор – аксему (см. [Пригарина, 2013, с. 48]) – ценностное суждение, которое показывает, что считается важным, желаемым или достойным в жизни и обществе. Аксемы служат ориентиром для моральных, этических и социальных норм и влияют на поведение людей.

В каждом виде дискурса имеется свой набор аксем, отражающих ту систему нормативного контроля, которая принята в данной сфере общения. Понимание природы и состава этих ценностей позволяет оратору использовать их для объединения с адресатом (см. об этом [Анисимова 2008]). И поскольку ценности нужны не для простой констатации или усвоения субъектом, а для применения на практике, оратор и аудитория объединяются как «свои» для борьбы с «чужими». Причём если раньше считалось, что такая борьба присуща только политическому дискурсу, где она выражается, с одной стороны, в концентрированном использовании негативных оценочных номинаций (ярлы-

ков) для именованя представителей «чужих» и их деятельности, настойчивом подчёркивании негативных последствий их политики для адресата и т. п. (см. об этом [Молодыхенко 2019]), то в ситуации глобализации всех процессов и обострения противостояния мировоззрений она становится «универсальным принципом, к которому сводятся все виды человеческой деятельности» [Гулевский, 2021, с. 2108]. Вместе с тем, в разных видах человеческой деятельности борьба ведётся по-разному, что обязательно следует учитывать при отборе аргументов для воздействующей речи. Например, в научном дискурсе противопоставление «своих» и «чужих» бывает явно выражено только в открытой дискуссии. В остальных же случаях борьба прямо не акцентируется, а находит воплощение только в сверхзадаче: позиционирование определённой точки зрения как истинной предполагает оценку всех остальных точек зрения как менее истинных (неточных, поверхностных и т. п.). В целом же *плюрализм* и *толерантность* входят в число ведущих ценностей научного дискурса: здесь «необходимы духовная потребность, соответствующая ментальность и эмоциональная настроенность, уважение чужих идей и традиций, даже если они лично изучающему не нравятся» [Сердобинцев, 2020, с. 91].

Юридический дискурс имеет целью нормирование социальных отношений между людьми, а также побуждение их к выполнению своих социальных функций. С одной стороны, в нём, как и в других дискурсах, актуально противопоставление «свои» (те, кто стоит на страже закона и соблюдает закон) / «чужие» (те, кто нарушает закон и поощряет преступников) и предполагается непримиримая война с нарушителями. Однако с другой стороны, в отличие от политического дискурса, где такое противопоставление строится на эмоциональной основе, юридическая аргументация всегда имеет строгий рациональный фундамент, не зависящий от мнения и эмоций говорящего. Ещё одно существенное отличие состоит в том, что если в политическом дискурсе всегда сразу известно, кто эти «чужие» (их назначает сам говорящий и это не обсуждается), то в юридическом дискурсе известны только критерии отнесения к «чужим» (нарушение закона), а сам их персональный состав может быть неизвестен и подлежать установлению.

3. Материал и методы исследования [Material and methods]

Для достижения заявленной цели с помощью риторического и контент-анализа на первом этапе, а также сопоставительного анализа на втором этапе были изучены разнообразные тексты юридического дискурса, в которых проанализированы наиболее характерные для них виды ценностей. Для работы использовался эмпирический материал, собранный автором в процессе написания учебников по юридической риторике¹. Он включает устные высказывания по юридическим вопросам в форме тех жанров (как монологических, так и диалогических), которые необходимо освоить будущему юристу. Общий объём картотеки – около 2000 текстов. Сложность однако состоит в том, что при обучении студентов нельзя использовать реально произнесённые речевые образцы в необходимых юристу жанрах (фрагменты общения следователя с подозреваемым, фрагменты юридической консультации, профилактическую беседу с трудными подростками), поскольку соблюдается либо тайна следствия, либо конфиденциальность. Проблема решается с помощью привлечения соответствующих фрагментов из художественной литературы и фильмов. Для каждого актуального в работе специалиста жанра делается подборка речей в этом жанре, помогающая понять специфику его построения. Практика показывает, что в целом общие особенности риторических жанров правильно

¹ Анисимова Т. В. Юридическая риторика. Калининград, 2024. 336 с.; Анисимова Т. В. Практикум по риторике для юриста : учебно-практическое пособие. Калининград, 2022. 132 с.

отражаются в таких материалах. В тех случаях, когда информация была открытой, использовались реальные речевые образцы – судебные речи российских адвокатов (при описании жанра *судебная речь*) и публичные высказывания на юридические темы в телевизионных и журнальных дискуссиях (при описании жанров, актуальных в рамках юридического спора).

4. Обсуждение результатов [Results and discussion]

К настоящему времени создано довольно большое количество авторских вариантов модели жанра. Все они имеют много общих параметров (поскольку это, действительно, ключевые параметры в характеристике жанра): адресант, адресат, цель и задача, типичная композиция. Далее этот набор дополняется авторскими параметрами: образ прошлого и образ будущего, условия общения, мотивы, стратегии, канал, стиль, интерактивность; степень креолизации текста и т. п. Эти отличия во многом связаны с задачами исследования и зависят от того, какой конкретной лингвистической наукой занимается автор. Именно поэтому невозможно объединить предлагаемые «модели жанра» в одну: их можно использовать только в готовом виде (авторском варианте) и именно в той области, для которой они были предназначены автором. С риторической точки зрения, в состав модели жанра должен быть включён компонент «ценности жанра», который играет ключевую роль как для описания специфики отдельных риторических жанров, так и для построения общей системы жанров в рамках одной частной риторики. Риторический анализ специфики жанра предполагает установление как общих для всей частной риторики ценностей, так и ценностей, свойственных конкретным жанровым формам. Причиной того, что пункт «ценности», как правило, не включается в модель риторического жанра, является сложность их выделения. Тем не менее, эту сложность следует попытаться преодолеть, поскольку сознательная опора на ценности адресата позволяет существенно повысить эффективность высказывания.

Учитываемые в риторике ценности образуют иерархию, которая строится в виде градуальной шкалы, с помощью которой можно более точно определить требуемый для речи набор ценностей и границы жанров. При этом «иерархии ценностей, более важны для структуры аргументации, чем сами ценности» [Perelman, Olbrechts-Tyteca, 1969, p. 81]. Полагаем, что по отношению к юридической риторике такая иерархия может быть сформулирована следующим образом.

1. Первый уровень составляют **универсальные ценности** – те, что воспринимаются как благо всеми (большинством) современных людей. Аристотель определяет благо как «то, к чему все стремятся», «ведь всякая деятельность имеет в виду предполагаемое благо» [Аристотель, 1983]. В своих работах он подробно перечисляет, что именно является благом для человека: *здоровье, успех, победа, богатство, счастье* и т. п. Система таких ценностей, принимается аудиторией в качестве положений, не требующих доказательств и не подверженных опровержению. Аксема, построенная на такой ценности, предполагает согласие «универсальной аудитории» [Perelman, Olbrechts-Tyteca, 1969, p. 15], аналогичное согласию с суждением, основанным на факте или истине. Как правило, универсальные аксемы не являются сильными аргументами, поскольку воспринимаются как нечто очевидное. Несмотря на это, их присутствие в речи весьма желательно, поскольку они являются фундаментом для построения других видов аргументов. Они могут быть использованы в любой аудитории без дополнительного анализа мнений и взглядов людей. Полный список универсальных ценностей составить невозможно, поскольку он довольно существенно варьирует не только в разные эпохи, но и в разных частных риториках. Тем не менее, в целом принципы отбора таких ценностей остаются одними и теми же: это *неприкосновенность жизни человека, истина и справедливость, экономическое*

благополучие, свобода и равенство, показатели личного успеха, достоинство и защищённость граждан и т. п. В дальнейшем в каждой конкретной сфере общения (и в каждом дискурсе) эти ценности получают своё осмысление.

Так, поскольку «наука – это такая сфера человеческой деятельности, функцией которой являются выработка и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности» [Сердобинцев, 2023, с. 134], здесь актуальны наиболее абстрактные универсальные ценности: *познание, истина, мышление* и т. п. Напротив, в юридическом дискурсе универсальные ценности приобретают максимально конкретные формы, поскольку именно для защиты многих таких ценностей юриспруденция и нужна. Среди важнейших из них оказываются *жизнь* (соответственно, преступление – убийство), *здоровье человека* (преступление – нанесение телесных повреждений), *неприкосновенность жилища и имущества* (преступления – кража, грабёж и др.), *честь и достоинство* (преступление – клевета) и т. п. Вместе с тем в речи эти ценности редко вербализуются изолированно. Чаще всего они сочетаются с собственно юридическими ценностями, которые уточняют и конкретизируют их. Сравним, например, реплику в споре, в рамках которого участники обсуждают идею возобновления применения смертной казни:

У нас в науке по поводу смертной казни наблюдается очевидный дисбаланс. Наши ведущие процессуалисты либерального плана обычно говорят: главное – это сохранить конституционный принцип неприкосновенности, личности, жизни человека. Так мы смертную казнь и применяем для того, чтобы этот принцип торжествовал. Когда мы убираем маньяков, террористов, убийц, которые совершили особо жестокие преступления против детей, против большого количества людей, то мы защищаем общество, а вот этот конституционный принцип соблюдаем. А если мы не применяем смертную казнь против таких людей, мы этот принцип нарушаем. (В. С. Овчинский) [Смертная казнь].

Главная ценность, обсуждаемая в этом споре, – *жизнь человека*. Однако если противники смертной казни требуют применения этой ценности в отношении подсудимого (никто не может отнять жизнь даже у преступника), то оратор считает более важным защиту жизни его возможных будущих жертв. Таким образом, кроме универсальной ценности *жизнь* здесь используются общие юридические ценности *правосудие* и *справедливое наказание*.

2. Второй уровень составляют **б а з о в ы е ц е н н о с т и**, отражающие основные цели соответствующей сферы общественной деятельности и соответствующего института. Именно они лежат в основе всей системы моральных, этических, нормативных оценок, на основе которых оценивается не только поведение, но и эффективность речи субъектов. «Важнейшим компонентом любого дискурса выступают ценности – смыслообразующие ориентиры поведения, определяющие мировосприятие участников общения» [Карасик, 2023, с. 122].

Для определения степени значимости для общества юридических ценностей большое значение имеет определение места самого права в системе ценностей государства. Учёные неоднократно предпринимали попытки составить общую иерархию ценностей, чтобы определить те приоритеты, которыми руководствуется общество при определении степени весомости тех или иных ценностей. Так, А. А. Волков, характеризует свою классификацию как универсальную и актуальную «на протяжении всей истории культуры от античности до современных информационно-поисковых систем» [Волков, 1996, с. 67]. Она имеет такой вид: «1. Религия. 2. Наука. 3. Искусство. 4. Право. 5. Исторический опыт. 6. Личный авторитет. 7. Государственные институты. 8. Общественная мораль. 9. Политическая система. 10. Общественное мнение» [Волков, 1996, с. 67–68]. С другой стороны, А. К. Соболева, которая считает свою иерархию уни-

версальной и актуальной для многих стран, получила такой результат: «1) право; 2) этика, мораль, нравственность; 3) политика; 4) наука; 5) исторический опыт; 6) религия» [Соболева, 2001, с. 196]. Очевидно, что личность учёного и исследуемый материал наложили весьма существенный отпечаток на характер полученного результата в плане места той или иной ценности в иерархии.

Вместе с тем, установление места права в этом ряду имеет вполне практическое значение. Аргументация допускает противопоставление альтернативного аргумента каждому ценностному аргументу (аксеме), что делает возможным «характеризовать то или иное общество не только по конкретным ценностям, которые оно более всего превозносит, но и по силе, с которой оно придерживается того или иного общего места из пары противопоставленных» [Perelman, Olbrechts-Tyteca, 1969, с. 85]. Эта мысль особенно важна для юридического дискурса, поскольку здесь одна из противопоставленных ценностей получает закрепление в законе. Так, если тайна исповеди или свобода слова признаются законодательством более важными ценностями, чем неотвратимость наказания, то священник и журналист получают право даже перед судом не раскрывать сведения, полученные от своих доверителей. Если защищённость депутатов более ценна для общества, чем равенство всех перед законом, то вводится парламентский иммунитет.

Далее рассмотрение собственно юридических ценностей показывает, что они, в свою очередь состоят из двух слоёв.

I. Термины, максимы, концепции и доктрины права. Многие юридические термины имеют ценностную основу: *бездействие, халатность, презумпция, вина, наказание, преступная небрежность, оскорбление* и др. Это свидетельствует о том, что этические оценки появились раньше правовых. Однако, несмотря на генетическое родство, между моральными и правовыми оценками имеется явная граница: правовые оценки чётко сформулированы и опираются на действующее законодательство, в то время как морально-этические оценки нечётки, вариативны и изменчивы. Несмотря на это, в отличие от терминов других наук, многие юридические термины и в сугубо научном значении включают оценочный компонент. Так, например, дефиниция «Преступность – негативное явление. Негативность проявляется в том, что преступления причиняют невозполнимый вред личности, экономике, общественному порядку, общественной безопасности, государственной власти и другим объектам посягательства» [Алексеева, 2018, с. 39] строится на негативной оценке, которая получает затем юридическую аргументацию.

II. Ключевые юридические ценности, к которым относятся общие положения и принципы права, являющиеся основой различных правовых учений: *прозрачность решений* (открытость юридических процессов, что способствует доверию граждан к правовой системе), *доступность правосудия* (обеспечение возможности каждому человеку получить юридическую помощь и защиту своих прав), *равное отношение ко всем гражданам* (объективность в процессе принятия решений, исключая личные предвзятости и дискриминацию), *защита прав граждан* (выявление, пресечение и недопущение фактов нарушений прав и свобод личности) и др. Все такие ценности имеют не только юридическое содержание, но и опираются на социально-нравственные нормы, принятые в обществе: «С точки зрения юридического содержания право человека – мера возможного поведения, гарантированного юридическими нормами, а также нравственными, политическими, религиозными правилами и принципами» [Рудинский, 2006, с. 41].

Обращает на себя внимание отсутствие в юридическом дискурсе ценности *толерантность*, являющейся одной из ключевых во многих других дискурсах. Так, если в науке все мнения учёных имеют равное право на рассмотрение, то в юриспруденции господствует то толкование ситуации (поступков, актов и т. п.), которое соответствует принятому закону. В связи с этим мнения обвинителя и защитника не могут сами по се-

бе представлять ценность для суда: их весомость определяется только подкреплением ссылкой на законодательные и другие правовые акты:

*Высший судебный орган страны убрал, наконец, из состава хулиганства косвенный умысел. «Хулиганство, – разъяснил Пленум, – может совершаться только с прямым умыслом». (...) **Позиция прокурора полностью расходится с постановлением Пленума.** Вместо прямого умысла – «желал», умысел косвенный – «не мог не осознавать», анализ обстоятельств произошедшего подменяется единственно указанием на общественное место. Согласие суда с такой позицией будет означать отбрасывание судебной практики на два десятилетия назад [Резник Дело Лебедева].*

Здесь позиция прокурора объявляется ошибочной не потому, что так считает сам адвокат, а потому, что эта позиция противоречит разъяснениям Пленума Верховного суда – высшего судебного органа страны. В целом это высказывание строится на привлечении целого ряда наиболее важных ключевых ценностей, которые, по мнению оратора, нарушает оппонент: *непредвзятости, справедливости, обоснованности* (поскольку вместо прямых доказательств приводятся домыслы (*желал*) и намёки (*не мог не осознавать*), что недопустимо в юридической речи).

3. На третьем уровне располагаются **личностные ценности**, лежащие в основе взаимоотношений участников общения. Они представляют те качества субъектов дискурсов, которые оцениваются положительно в рамках соответствующей сферы общения, требуются для полноценного выполнения своих обязанностей.

В юридическом дискурсе, менее персонифицированном, чем научный или политический, ценности этого уровня характеризуют не столько личные качества, сколько основные принципы деятельности юриста: *уважение и защита основных прав и свобод каждого индивида; обоснованность и объективность принимаемых юридических решений; соблюдение моральных норм и стандартов поведения в юридической практике, готовность к адаптации и внедрению новых подходов и технологий в юридическую практику* и др. Далее в каждой отрасли права набор этих ценностей может уточняться и конкретизироваться в зависимости от особенностей деятельности соответствующих специалистов. Вот, например, как формулируются личностные ценности работников государственных органов в «Кодексе этики» для сотрудника полиции [Кодекс, 2020]: *гуманизм* (человек, его жизнь и здоровье являются высшими ценностями, защита которых составляет смысл и нравственное содержание правоохранительной деятельности); *законность* (признание верховенства закона); *объективность* (беспристрастность и отсутствие предвзятости при принятии служебных решений); *справедливость* (соответствие меры наказания тяжести правонарушения); *коллективизм* (отношения в коллективе, основанные на взаимопомощи и поддержке) и др.

4. На четвёртом уровне выделяются **ценности, соответствующие основным направлениям деятельности** в каждой области внутри рассматриваемого дискурса. Следует согласиться с тем, что практически все институциональные дискурсы достаточно неоднородны, используются в областях, которые иногда различаются весьма существенно. Они имеют полевою структуру и часто пересекаются, образуя гибридные формы. В связи с этим свои ценности могут быть присущи как каждой отдельной области, так и нескольким смежным областям.

В рамках юридического дискурса выделяются специфические самостоятельные области, имеющие как языковые (включая стилистические) особенности, так и свои ценностные ориентиры. Так, А. В. Скоробогатов предлагает считать самостоятельными юридический дискурс (максимально формализованный язык, закреплённый в законодательных текстах) и правовой дискурс (объединяющий непрофессиональные высказывания на правовые темы) [Скоробогатов, 2019, с. 32], а М. В. Батюшкина –

правотворческий дискурс (предназначенный для создания текстовых источников правовых норм) и правореализационный (предназначенный для применения юридических норм на практике) [Батюшкина, 2022, с. 29].

Кроме того, ценности могут быть сформулированы для каждой отрасли права. Ключевые отраслевые ценности обычно рассматриваются в работах соответствующих специалистов и имеют методологическое значение для формирования научной базы отрасли (см., напр., [Алексеева, 2024 ; Плешаков, 2024 ; Попов, 2024 и др.]).

Так, например, для административного права В. А. Юсупов считает наиболее важными три вида ценностей: 1) разрешение возникших противоречий в обществе, государстве, работе органов государственного управления или между участниками конкретных административных правоотношений; 2) устранение препятствий для осуществления субъективных административных прав; 3) создание новых возможностей саморазвития субъекта административных правоотношений [Юсупов 2022, с. 39–40]. Эти ценности лежат в основе гарантий соблюдения прав человека и гражданина в области административного права и получают законодательное закрепление. Так, принятый в 2018 году закон² позволил наладить более чёткую систему контроля соответствия производства пищевых продуктов требованиям к её качеству. Соответственно, в интервью члена совета директоров Всемирной ассоциации экомаркировки (GEN) Юлии Грачёвой в основе всей аргументации лежат ценности, закреплённые в этом законе:

«Экологичные» и «органические» продукты продаются лучше не только в Европе и США, поэтому их всё больше на полках российских магазинов. Но распознать среди них примеры гринвошинга сложно не только обычному потребителю, но и эксперту. Единственный доступный сейчас инструмент проверки товара на «экологичность» – это экологический сертификат. Если есть экомаркировка, значит, какая-то независимая экспертная организация этот продукт проверила и подтвердила заявление производителя [Гринвошинг].

Здесь ценностью является право граждан на безопасный экологически чистый продукт, а гарантией соблюдения этого права – проведение независимой экспертизы.

Кроме того, возможны такие области применения юридического дискурса, где более важными окажутся не столько юридические, сколько этические принципы и ценности. Прежде всего к таким формам должен быть отнесён внесудебный порядок разрешения правовых споров (АРС), состоящий в применении различных альтернативных правовых процедур (переговоры, мини-трайл, посредничество и т. п.), которые в последнее время становятся всё более популярными, поскольку позволяют сохранить деловую репутацию и сэкономить деньги. Применение этих форм требует преимущественного использования этических ценностей для анализа ситуации и выработки неординарных решений.

Наконец, встречаются и пограничные области, в которых актуальны сразу два вида дискурса и, соответственно, актуальны два типа ценностей. Так, лингвист, осуществляющий научную экспертизу для суда (или экспертизу законопроекта), является субъектом как научного, так и юридического дискурса, а депутаты, обсуждающие поправки к закону, соответственно, являются субъектами политического и юридического дискурсов.

5. На пятом уровне выделяются ценности, характерные для конкретного жанра. Такие ценности обязательно должны упоминаться в модели жанра, поскольку они являются фундаментом для построения аргументации, с помощью которой решается основная задача жанра. Все наиболее типичные для

²Федеральный закон «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 03.08.2018 N 280-ФЗ.

юридического дискурса риторические жанры могут быть объединены в три группы, относящиеся к тем областям права, где основной формой деятельности юриста является общение с другими людьми.

К первой группе относятся жанры, направленные на распространение юридически значимой информации. С их помощью юрист знакомит аудиторию с особенностями законодательной системы, спецификой применения норм права и т. п. (*речь-консультация, профилактическая беседа, лекция для неспециалистов* и т. п.). Хотя все такие жанры являются информационными, в качестве сверхзадачи они содержат побуждение к определённому поведению (поступать только в соответствии с нормами права), пропагандируют соответствующие правовые ценности.

Так, консультирование – это процесс, в ходе которого юрист помогает клиенту найти удовлетворительное решение его проблемы в соответствии с существующими правовыми нормами. Задача консультации – объяснить, растолковать смысл юридической нормы человеку, лично столкнувшемуся с ущемлением своих прав или покушением на свои ценности, чтобы он мог сознательно применить в своей практике полученные знания. В связи с этим главной ценностью (как и во всех жанрах юридического дискурса) здесь являются нормы закона. Кроме того, важными ценностями (как и в других жанрах, адресованных неспециалистам) оказываются, с одной стороны, *профессионализм юриста*, а с другой стороны, *понятность и доступность* для адресата сообщаемых сведений. Первая из названных ценностей является гарантией доверия клиента к консультанту (без чего невозможно дальнейшее взаимодействие). Вторая ценность, существенно повышающая эффективность послания, характеризует способность юриста коротко и чётко сформулировать правовую позицию по заданному вопросу, что является необходимым условием того, что клиент сможет воспользоваться его разъяснениями. Однако главной ценностью собственно консультирования является *защита интересов клиента*, поиск такого правового решения проблемы, который бы в максимальной степени соответствовал его интересам. Если все эти ценности присутствуют в речи, дополнительная аргументация предлагаемого решения не требуется: гарантом его правильности является юрист, ознакомивший адресата с нормами законодательства. Рассмотрим пример:

Вопрос: *Молодой парень катал девчонок на маминной машине и устроил ДТП. При этом пострадали две машины, в том числе и моя. Когда все водители вышли, я врезал виновнику по носу. Он тут же вызвал участковых. Кроме того, что приехали сотрудники ГИБДД, чтобы оформить аварию, ещё и участковый пришел составлять протокол. Теперь пришли бумаги, что на меня административное дело хотят возбудить по статье 6.1.1. КоАП. Вопрос: мне что делать? Со всем соглашаться? Или доказывать, что я больше пострадавший? Я вообще-то ехал к больной матери, а тут авария, что задержало меня на полдня, плюс ремонт на две недели и прочее. Конечно, я был злой, не удержался.*

Ответ: *Если вы скажете, что специально его ударили, то это будет отягчающим обстоятельством, и вас могут наказать по максимуму. Вы только усугубите ситуацию. Надо, наоборот, дать понять полиции / суду, что намерений причинить вред виновнику ДТП у вас не было, однако, по причине сильного душевного волнения из-за разрушенных планов встретиться с больной мамой, вы не смогли сдержать себя, допустили эмоциональный всплеск, в чем раскаиваетесь. Если будете держаться такой стратегии до самого конца, то накажут по минимуму [Юстива].*

Основная ценность, содержащаяся в речи – *ориентированность на потребности клиента, защита его интересов*. Адвокат должен предложить такой вариант поведения, который бы, с одной стороны, соответствовал закону, но с другой стороны, был максимально выгоден клиенту. Если же юрист в ответ на заданный вопрос просто воспроизво-

дит статью соответствующего закона (т. е. не включает в концепцию своей речи ценность *интересы клиента*), речь не соответствует своему назначению и не может считаться эффективной.

Ко второй группе относятся жанры, направленные на добывание необходимой юристу информации. Большая часть из них создаётся в письменной форме (*запрос об установлении значимых обстоятельств, заявление о проверке алиби* и т. п.). Из устных форм к этой группе относятся диалогические жанры, типичные для деятельности следователей и оперативных работников: *допрос, опрос, беседа* и т. п. Их задача состоит в том, чтобы получить максимально полную и объективную информацию о характере и участниках преступления. В связи с этим и основными ценностями окажутся *объективность* в оценке сообщаемых сведений, *отсутствие предвзятости*, установление *доверительных отношений* и эмоциональной связи с допрашиваемым и т. п. При этом, поскольку собеседник оценивается как критически (или даже враждебно) настроенный, здесь допускаются разнообразные риторические уловки. Степень их этичности оценивается по задачам говорящего: если они используются из ораторской предосторожности, а задачей говорящего является установление истины по делу, то уловки признаются допустимыми:

Подозреваемый: Не убивал я его, гражданин начальник!

Желвис: Это, Козин, я уже слышал. Но ведь есть же ваше чистосердечное признание!

Подозреваемый: Так ведь я вам уже говорил: это все менты придумали!

Желвис: Вот как! А почему же вы сразу не сказали либо мне, либо адвокату?

Подозреваемый: Ой, да чего говорить-то!

Желвис: Говорить, что менты обращались с вами плохо и заставили подписать признание, надо обязательно! Закон соблюдать должны все. И милиция не исключение. Милиционеры обошлись с вами плохо? Они вообще вести себя не умеют! Хорошо, Козин. Я вам верю. В милиции не нашли достаточно улик, а признание заставили вас подписать силой. Скажите только: это они просили вас написать, что Байрамова вы били табуреткой, или это вы сами придумали?

Подозреваемый: Нет, про табуретку они не просили. Это я сам.

Желвис: Ну и фантазия у вас, Козин! Ну почему табуреткой?! Надо же такое придумать!

Подозреваемый: Да у него же в комнате ничего больше не было! Он же был голь перекатная! (Немая сцена. Козин понимает, что проговорился).

Желвис: А теперь, Козин, давайте все по порядку [«Версия»].

Здесь демонстрация хорошего отношения к подозреваемому и согласия с его версией ослабляет недоверие собеседника и заставляет его проговориться в ответ на провокационный вопрос. Этот приём должен быть признан вполне этичным, поскольку имеет целью не давление на подозреваемого (или его запугивание), а установление истины по делу.

Наконец, к третьей группе относятся жанры, основной задачей которых является интерпретация юридически значимой информации. К этой группе прежде всего относятся жанры судебного дискурса, в задачу которых входит оценка убедительности, достоверности, достаточности и т. п. собранных в ходе следствия доказательств виновности подсудимого. Система судебных ценностей гораздо более обширна по сравнению с теми, что встречаются в других разделах юриспруденции. К ней относятся как рациональные формы ценностей (максимы, принципы, концепции и доктрины права; законы и нормы права и т. п.), так и ключевые судебные ценности: *справедливость* (обеспечение справедливого разрешения споров и защиты прав всех участников), *независимость* (судебной власти от политического давления и влияния), *правовая опре-*

делённость (чёткие и предсказуемые правила, способствующие стабильности правовой системы), *обоснованность* (решения судов должны быть основаны на фактах и законе), *равенство всех перед законом, уважение к правам человека* и т. п.

Кроме того, судебная речь – единственная область юриспруденции, где актуально обращение к личным ценностям участников процесса. Чаще всего здесь предъясняются личные ценности подсудимого, причём в речи защитника они всегда оцениваются как одобряемые обществом, а в речи обвинителя – как неодобряемые обществом. Кроме этого именно на основе соответствия или не соответствия этим ценностям могут оцениваться действия процессуального противника:

Прокурор попросил для моей подзащитной пенсионерки 4 года реального лишения свободы. Я полагаю, что такое серьёзное наказание в любом случае относилось бы к категории «мсть» в угоду высокопоставленному сыну трагически погибшей по собственной вине пожилой женщины. Российское уголовное законодательство исключает мсть [Куприянов. Дело Панариной].

Здесь адвокат открыто негативно оценивает действия стороны обвинения, поскольку были проигнорированы такие важные для суда ценности, как обоснованность и объективность принимаемых решений. Вместо юридической оценки содеянного прокурор пошёл на поводу у высокопоставленного сына погибшей женщины, что сразу подрывает всякое доверие к его словам.

Гораздо реже предъясняются ценности других участников процесса: судей, присяжных и даже зрителей:

Когда товарищ прокурор потребовал крайне сурового наказания для Пуликова, в зале раздались аплодисменты. Оставить без внимания эти аплодисменты я не имею права. (...) Я позволю себе спросить тех, кто аплодировал: не рано ли, не слишком ли рано взяли вы на себя большую и тяжкую ответственность, считая, что вам уже открылась вся правда по делу? Вы ведь ещё не слышали ни одного слова защиты, ещё не прозвучал ни один довод в опровержение обвинительной речи! (...)

Но я никому не бросаю слова укоризны, потому что нетрудно понять, откуда растёт это нетерпеливое желание услышать, что убийца найден и наказан. Чем страшнее преступление, чем больше оно возмущает нашу совесть и оскорбляет наше представление о человеке, тем мучительнее и нетерпеливее мы хотим, чтобы преступление было скорее раскрыто, чтобы виновный был наказан, а жертва – отомщена. Как не понять стремления, чтобы виновный не ушёл от наказания? Как не понять, с какой горячностью испытывали это стремление соседи по квартире убитой Вильнер? Но как много опасности в этой горячности для судьбы Пуликова и для дела правосудия! [Киселев Дело Пуликова].

Здесь в первом абзаце предъясняется универсальная ценность: *жизнь и свобода человека*, а также ключевые судебные ценности: *справедливость* и *обоснованность* решения суда. Во втором же абзаце рассматриваются личные мотивы зрителей, позволивших себе аплодировать после выступления прокурора: возмущение жестокостью совершения преступления, желание побыстрее наказать виновного. Однако при всей важности этих личных ценностей, приоритет должен оставаться за более важными ключевыми ценностями, позволяющими определить истинного виновника преступления.

Кроме сугубо юридических ценностей, зафиксированных в разнообразных законодательных актах, в качестве основы убеждающей аргументации в судебной речи могут быть использованы и другие виды ценностей. Чаще всего в этой роли выступают моральные принципы и политические ориентиры.

В отличие от общих морально-нравственных принципов, касающихся поведения человека в жизни, его взглядов и желаний (объектом таких ценностей в судебной речи

является подсудимый и окружающие его люди), собственно юридические ценности этой группы оценивают с нравственной точки зрения те или иные способы принятия решения судом (объектом таких ценностей является процедура судопроизводства). Так, если обсуждается правомерность вынесения приговора или убедительность используемых противной стороной доказательств, оратор высказывает суждения об их соответствии моральным и этическим основам судопроизводства:

*Приговор должен быть таким, чтобы каждый рядовой гражданин, как говорится, средний человек – представитель общества – мог бы, ознакомившись с ним и сопоставив с материалами дела, сказать: **приговор не беспочвенный, доказательства вины осуждённого имелись.** (...) доказательства **не должны быть нелепыми, обвинения – несообразным, а приговор – непоследовательным, опровергающим сам себя в силу внутренних противоречий** [Резник Дело Пасько].*

Политические ценности особенно часто использовались в качестве фундамента юридической аргументации в советские времена, когда покушение на основы советской идеологии вполне могло оказаться более значимым фактом для решения суда, чем соблюдение закона:

*И вот следователь утверждает, что шесть раз стрелял подсудимый, и в него тоже стреляли шесть раз. Это что же, простите, перестрелка? Или дуэль: Пушкин – Дантес? Ведь совершенно очевидно, что подсудимый вообще не стрелял в преступников, а стрелял в воздух, чтобы позвать милицию. Пожалуйста, посмотрите! Посмотрите на этого парня. В недалеком прошлом десантник, отличник боевой и политической подготовки. Так неужели, по-вашему, десантник, отличник боевой и политической подготовки из шести выстрелов ни разу так и не смог попасть в разбушевавшихся хулиганов, чьи личности, будем надеяться, будут установлены в дальнейшем квалифицированном и объективном следствии. Выходит, по словам нашего замечательного прокурора, что **наши десантники не умеют стрелять!** А это уже клевета на нашу доблестную армию, призванную защищать наш мирный труд [«Воры в законе»].*

Здесь во второй части речи адвокат предлагает свою версию произошедшего: подсудимый стрелял в воздух, чтобы привлечь внимание милиции. Это суждение аргументируется характеристикой подсудимого (*десантник, отличник боевой и политической подготовки*), призванной сформировать к нему положительное отношение. В подкрепление своей позиции адвокат апеллирует к государственным ценностям советской эпохи, приводя традиционные штампы о роли армии в государстве. При этом он использует софизм «ложное обобщение»: ведь из того, что один десантник ночью и в сложной ситуации не смог попасть в преступников, не следует, что и все десантники не умеют стрелять. Однако сам факт апелляции к идеологическим ценностям оказывается настолько сильным, что прокурор считает необходимым выступить с протестом и заявить об отсутствии у него намерений опорочить армию.

В целом следует отметить высокую степень формальности и стандартизованности ценностей в юриспруденции. Это связано, согласно концепции функционального рационализма [Rowland, 1987], с тем, что формализм оценок в юридической сфере необходим для установления справедливости и защищённости прав индивида и общества.

5. Заключение [Conclusion]

Проведённое исследование показало, что модель риторического жанра обязательно должна включать описание типичных для этого жанра ценностей и характерных для конкретной сферы общения, что существенно повышает эффективность воздействующей речи. Анализ языкового материала позволил выстроить пять уровней системы ценностей в юридическом дискурсе.

1. На первом уровне располагаются универсальные ценности, которые могут использоваться в любой сфере институционального дискурса. Они служат основой и стержнем построения риторической аргументации, отражают ценностную картину мира, свойственную национальной культуре. Для юридического дискурса здесь актуальными оказываются те общие ценности, которые охраняются законом: *жизнь и здоровье человека, неприкосновенность жилища, честь и достоинство граждан* и т. п.

2. На втором уровне находятся базовые ценности, отражающие ценности одной сферы общественной деятельности. Это фундаментальные принципы и идеи, которые лежат в основе соответствующей системы и служат ориентиром для её функционирования. Для юридического дискурса это ключевые ценности права, помогающие формировать правосознание, направлять судебную практику и определять подходы к правоприменению.

3. Третий уровень составляют личностные ценности, регулирующие взаимоотношения между участниками общения. Здесь весьма частотны те аксиологические характеристики людей, которые оценивают качества, необходимые для работы в соответствующей сфере общения. Для юридического дискурса этот уровень в целом нехарактерен, поскольку он максимально деперсонифицирован.

4. Четвёртый уровень составляют ценности, соответствующие основным направлениям деятельности в каждой области внутри рассматриваемого дискурса. Учитель, политик, врач, менеджер и т. п. могут занимать разные должности, и, соответственно, им может понадобиться использовать разные ценности. Что касается юристов, то здесь ценности группируются 1) по отраслям права (административное, уголовное, экологическое и др.) и 2) по видам деятельности (юрисконсульт, следователь, обвинитель в суде).

5. На пятом уровне выделяются ценности, характерные для конкретного жанра. Этот наименее исследованный уровень является сугубо риторическим и нуждается в осмыслении в рамках коммуникативной лингвистики, поскольку от правильного выбора присущих жанру аксем в значительной степени зависит соответствие произнесённой речи заявленному жанру.

Все выделенные ценности складываются в иерархию – систему, в которой они располагаются в порядке важности или приоритета. При этом чем более сильными оказываются ценности, которые объединяют оратора и аудиторию, тем больше вероятности добиться её согласия. Такая система помогает людям и обществу определить, какие ценности являются более значимыми и какие из них следует ставить выше других в процессе принятия решений или осуществления действия.

Источники материала

«Версия» – сериал «Версия». Сезон 1. Фильм «Бешеный». URL : <https://yandex.ru/video/preview/1790090291238303122> (дата обращения : 17.05.2025).

«Воры в законе» – «Воры в законе»: художественный фильм. URL : <https://yandex.ru/video/preview/13948520136520056654> (дата обращения : 17.05.2025).

Гринвошинг – «Гринвошинг в России: какие есть примеры и как с ним борются». URL : <https://ecounion.ru/press/grinvoshing-v-rossii-kakie-est-primery-i-kak-s-nim-boryutsya/> (дата обращения : 17.05.2025).

Киселев Дело Пуликова – Киселев Я. С. Дело Пуликова // Киселев Я. С. Судебные речи. Лениздат, 1967. URL : https://imwerden.de/pdf/kiselev_sudebnye_rechi_1967__ocr.pdf (дата обращения : 17.05.2025).

Кодекс 2020 – Кодекс этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: Приложение к приказу МВД России от 26.06.2020 N 460. URL : <https://sudact.ru/law/prikaz-mvd-rossii-ot-26062020-n-460/> (дата обращения : 17.05.2025).

Куприянов Дело Панариной – Куприянов А. А. Речь в защиту Н. Н. Панариной, обвиняемой по Ч. 3 ст. 264 УК РФ в Павлово-Посадском городском суде Московской области 25.09.2017. URL : <https://>

купriyanov.info/component/content/article/2-2009-08-28-23-12-07/144-2017dtp-rechpanarina (дата обращения : 17.05.2025).

Резник Дело Лебедева – Речь адвоката Г. М. Резника в защиту Александра Лебедева (в Останкинском суде г. Москвы). URL : https://base.garant.ru/57515337/#block_100 (дата обращения : 17.05.2025).

Резник Дело Пасько – Выступление адвоката Генри Резника в защиту Григория Пасько в Военной коллегии Верховного суда рф 25 июня 2002 года https://studopedia.su/11_85787_vistuplenie-advokata-genri-reznika-v-zashchitu-grigoriya-pasko-v-voennoy-kollegii-verhovnogo-suda-rf-iyunya--goda.html (дата обращения : 17.05.2025).

Смертная казнь – Смертная казнь: «Казнить нельзя помиловать!». URL : <https://yandex.ru/video/preview/15556898106107343978> (дата обращения : 17.05.2025).

Юстива – Юстива. Вопросы юристам, опыт наших пользователей. URL : <https://justiva.ru/questions/all> (дата обращения : 17.05.2025).

Библиографический список

- Алексеева, 2018 – Алексеева А. П. Преступления в сфере спорта: криминалистическое исследование. Волгоград : Перескоп-Волга, 2018. 312 с.
- Алексеева, 2024 – Алексеева А. П., Белокобыльская О. И. Право граждан на самозапрет получения потребительских кредитов или займов: проблемы и перспективы реализации // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского ун-та МВД России. 2024. № 1 (75). С. 65–69.
- Анисимова, 2008 – Анисимова Т. В. Назначение ценностного аргумента в системе судебной аргументации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики : межвуз. сб. науч. тр. Вып. X / под ред. Т. Ю. Тамерьян. Владикавказ : Изд-во СОГУ, 2008. С. 78–83.
- Анисимова, 2011 – Анисимова Т. В. Исследование системы ценностей подсудимого как способ объяснения мотивов преступления // Общество и человек. 2011. № 1 (2). С. 12–14.
- Аристотель, 1983 – Аристотель. Политика / пер. С. А. Жебелева // Аристотель. Сочинения: в 4 т. М. : Мысль, 1983. Т. 4. С. 375–644. URL : <http://www.civisbook.ru/files/File/Arigotel.Politika.pdf> (дата обращения : 5.09.2024).
- Батюшкина, 2022 – Батюшкина М. В. Дискурсивные доминанты законотворчества. М. : РОО ГЛЭ-ДИС, 2022. 160 с.
- Волков, 1996. – Волков А. А. Основы русской риторики. М. : Сити-пресс, 1996. 345 с.
- Волкова, 2019 – Волкова Т. Ф. Речевая деятельность современного судебного оратора (на материале выступлений в прениях) // Вестник Томского гос. ун-та. 2019. № 444. С. 38–45. <https://doi.org/10.17223/15617793/444/4>
- Володина, 2009 – Володина С. И. Адвокатская практика. М., 2009. URL : <https://pravorub.ru/articles/13570.html>
- Гулевский, 2021 – Гулевский А. Н. Война в современном дискурсе: борьба как универсальный принцип мировоззрения // Манускрипт. 2021. Т. 14, № 10. С. 2108–2115. <https://doi.org/10.30853/mns210372>
- Карасик, 2023 – Карасик В. И. Лингвокультурные характеристики педагогического дискурса // Вестник Московского гор. пед. ун-та. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2023. № 2 (50), С. 118–129. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.10>
- Ковшикова, Шиндряева, 2024 – Ковшикова, Е. В., Шиндряева И. В. Коммуникативные компоненты методики преподавания русского языка в образовательных организациях МВД России // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского ун-та МВД России. 2024. № 4 (78). С. 176–182.
- Молодыхенко, 2019 – Молодыхенко Е. Н. «Свои» и «чужие» в политическом дискурсе: инструментальная функция «чужого» в американской президентской риторике // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2019. № 59 С. 67–86. <https://doi.org/10.17223/19986645/59/5>
- Монгина, Говорухина, 2021 – Монгина Ф. М., Говорухина Ю. А. Планирование учебной деятельности в процессе формирования коммуникативной компетенции // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского ун-та МВД России. 2021. № 2 (64). С. 101–104.

- Плешаков, 2024 – Плешаков Е. А. Юридический приоритет как общеправовая ценность // Теория государства и права. 2024. № 2 (36). С. 159–165. https://doi.org/10.25839/MATGIP_2024_2_36_159
- Попов, 2024 – Попов М. Ю. Гражданское единство как гарантия российского народовластия и российской государственности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского ун-та МВД России. 2024. № 1 (75). С. 136–142.
- Пригарина, 2013 – Пригарина Н. К. Личностные аксемы как основания риторической аргументации // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. 2013. № 2 (18). С. 48–51.
- Рудинский, 2006 – Рудинский Ф. М. Наука прав человека и проблемы конституционного права: труды разных лет. М, 2006. 1234 с.
- Седов, 2007 – Седов К. Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация / под ред. К. Ф. Седова. М.: Лабиринт, 2007. С. 7–38.
- Сердобинцев, 2020 – Сердобинцев К. С. Философия. Методологические и прогностические возможности анализа общественного развития // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского ун-та МВД России. 2020. № 1 (59) С. 90–93.
- Сердобинцев, 2023 – Сердобинцев К. С. О важности философии // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского ун-та МВД России. 2023. № 2 (72). С. 131–135.
- Скоробогатов, 2019 – Скоробогатов А. В. Ценностная детерминация юридического дискурса // Правовая культура. 2019. № 2 (37). С. 30–38.
- Слышкин, 2017 – Слышкин Г. Г. Феномен ценности в философии и лингвокультурологии // Ценности в лингвокультурном аспекте: языковое сознание, коммуникация, текст: материалы междунар. науч. конф. (Тяньцзинь, 25 ноября 2017 г.). Тяньцзинь, 2017. С. 3–9.
- Соболева, 2001 – Соболева А. К. Топическая юриспруденция: Аргументация и толкование в праве. М.: Добросвет, 2001. 225 с.
- Франкл, 1990 – Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
- Юсупов, 2022 – Юсупов В. А. Социальная и управленческая ценность административного права // Журнал административного судопроизводства. 2022. № 2 С. 38–48.
- Perelman, Olbrechts-Tyteca, 1969 – Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. The New Rhetoric: A Treatise on Argumentation. Notre Dame, London, 1969. 566 p.
- Rowland, 1987. – Rowland R. On Defining Argument // Philosophy and Rhetoric. 1987. Vol. 20, Iss. 3. P. 140–59.

References

- Alekseeva, A. P. (2018). *Prestupleniya v sfere sporta: kriminalisticheskoe issledovanie [Crimes in the field of sports: A forensic study]*. Volgograd: Pereskop-Volga Press. (In Russ.).
- Alekseeva, A. P., & Belokobyl'skaya, O. I. (2024). Pravo grazhdan na samozapret polucheniya potrebitel'skikh kreditov ili zajmov: problemy i perspektivy realizatsii [The right of citizens to self-lock consumer credits or loans: Problems and prospects for implementation]. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo un-ta MVD Rossii [Bulletin of the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 1 (75), 65–69. (In Russ.).
- Anisimova, T. V. (2008). Naznacheniye tsennostnogo argumenta v sisteme sudebnoy argumentatsii [The purpose of the value argument in the judicial argumentation system]. In T. Yu. Tamer'yan (Ed.), *Aktual'nyye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki [Current issues in philology and pedagogical linguistics]: A Collection of papers* (Vol. X, pp. 78–83). Vladikavkaz: SOGU Press. (In Russ.).
- Anisimova, T. V. (2011). Issledovaniye sistemy tsennostey podsudimogo kak sposob ob'yasneniya motivov prestupleniya [The study of the defendant's value system as a way to explain the motives of the crime]. *Obshchestvo i chelovek [Society and Human]*, 1 (2), 12–14. (In Russ.).
- Aristotle. (1983). Politika [Politics]. *Sochineniya [The essays]*. In 4 volumes. Translated into Russian by S. A. Zhebelev (Vol. 4, pp. 375–644). Moscow: Mysl Press. Retrieved September 5, 2024 from <<http://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel.Politika.pdf>>. (In Russ.).

- Batyushkina, M. V. (2022). *Diskursivnyye dominanty zakonotvorchestva [Discursive dominants of lawmaking]*. Moscow : ROO GLEDIS Press. (In Russ.).
- Volkov, A. A. (1996). *Osnovy russkoy ritoriki [The basics of Russian rhetoric]*. Moscow : Siti-Press. (In Russ.).
- Volkova, T. F. (2019). Rechevaya deyatel'nost' sovremennogo sudebnogo oratora (na materiale vystupleniy v preniyakh) [Speech activity of a modern forensic orator (Based on the material of speeches in debates)]. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta [Tomsk State University Journal]*, 444, 38–45. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/15617793/444/4>
- Volodina, S. I. (2009). *Advokatskaya praktika [Law practice]*. Pravorub. Moscow. Retrieved September 5, 2024 from <<https://pravorub.ru/articles/13570.html>> (In Russ.).
- Gulevskiy, A. N. (2021). Voyna v sovremennom diskurse: bor'ba kak universal'nyy printsip mirovozzreniya [War in Modern Discourse: Struggle as a universal principle of Worldview]. *Manuskript [Manuscript]*, 14 (10), 2108–2115. (In Russ.). <https://doi.org/10.30853/mns210372>
- Karasik, V. I. (2023). Lingvokul'turnyye kharakteristiki pedagogicheskogo diskursa [Linguistic and cultural characteristics of pedagogical discourse]. *Vestnik Moskovskogo gor. ped. un-ta. Ser. «Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoye obrazovaniye» [MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education]*, 2 (50), 118–129. (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.50.2.10>
- Kovshikova, E. V., & Shindryayeva, I. V. (2024). Kommunikativnyye komponenty metodiki prepodavaniya russkogo yazyka v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii [Communicative components of the methodology of teaching Russian language in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo un-ta MVD Rossii [Bulletin of the Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 4 (78), 176–182. (In Russ.).
- Molodychenko, E. N. (2019). «Svoi» i «chuzhiye» v politicheskom diskurse: instrumental'naya funktsiya «chuzhogo» v amerikanskoj prezidentской ritorike [“Us” vs “Them” in political discourse: The instrumental function of the “Evil Other” in American presidential rhetoric]. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Filologiya [Tomsk State University Journal of Philology]*, 59, 67–86. (In Russ.) <https://doi.org/10.17223/19986645/59/5>
- Mongina, F. M., & Govorukhina, Yu. A. (2021). Planirovaniye uchebnoy deyatel'nosti v protsesse formirovaniya kommunikativnoy kompetentsii [Learning activities planning in the process of the communicative competence forming]. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo un-ta MVD Rossii [Bulletin of the Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2 (64), 101–104. (In Russ.).
- Pleshakov, E. A. (2024). Yuridicheskiy prioritet kak obshchepravovaya tsennost' [Legal priority as a general legal value]. *Teoriya gosudarstva i prava [Russian Journal of Theory of State and Law]*, 2 (36), 159–165. (In Russ.). https://doi.org/10.25839/MATGIP_2024_2_36_159
- Popov, M. Yu. (2024). Grazhdanskoye yedinstvo kak garantiya rossiyskogo narodovlastiya i rossiyskoy gosudarstvennosti [Civil unity as a guarantee of Russian democracy and Russian statehood]. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 1 (75), 136–142. (In Russ.).
- Prigarina, N. K. (2013). Lichnostnyye aksemy kak osnovaniya ritoricheskoy argumentatsii [Personality axemes as basis for rhetorical argumentation]. *Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Ser. 2: Yazykoznaniye [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics]*, 2 (18), 48–51. (In Russ.).
- Rudinskiy, F. M. (2006). *Nauka prav cheloveka i problemy konstitutsionnogo prava: trudy raznykh let [The science of human rights and the problems of constitutional law: Works from different years]*. Moscow. (In Russ.).
- Sedov, K. F. (2007). Chelovek v zhanrovom prostranstve povsednevnoy kommunikatsii [A person in the genre space of everyday communication]. In K. F. Sedov (Ed.), *Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnyaya kommunikatsiya [Anthology of Speech genres: Everyday communication]* (pp. 7–38). Moscow : Labirint Press. (In Russ.).

- Serdobintsev, K. S. (2020). Filosofiya. Metodologicheskiye i prognosticheskiye vozmozhnosti analiza obshchestvennogo razvitiya [Philosophy. Methodological and prognostic possibilities of social development analysis]. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo un-ta MVD Rossii* [Bulletin of the Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 1 (59), 90–93. (In Russ.).
- Serdobintsev, K. S. (2023). O vazhnosti filosofii [On the importance of philosophy]. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Kaliningrad Branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2 (72), 131–135. (In Russ.).
- Skorobogatov, A. V. (2019). Tsennostnaya determinatsiya yuridicheskogo diskursa [Valuable determination of legal discourse]. *Pravovaya kul'tura* [The Legal Culture], 2 (37), 30–38. (In Russ.).
- Slyshkin, G. G. (2017). Fenomen tsennosti v filosofii i lingvokul'turologii [The phenomenon of value in philosophy and linguoculturology]. *Tsennosti v lingvokul'turnom aspekte: yazykovoye soznaniye, kommunikatsiya, tekst* [Values in linguistic and cultural aspects: Linguistic consciousness, communication, text]: Conference proc., November 25, 2017 (pp. 3–9). Tianjin. (In Russ.).
- Soboleva, A. K. (2001). *Topicheskaya yurisprudentsiya: Argumentatsiya i tolkovaniye v prave* [Topical jurisprudence: Argumentation and Interpretation in law]. Moscow : Dobrosvet Press. (In Russ.).
- Frankl, V. (1990). *Chelovek v poiskakh smysla* [A human in search of meaning]. Moscow : Progress Press. (In Russ.).
- Yusupov, V. A. (2022). Sotsial'naya i upravlencheskaya tsennost' administrativnogo prava [The social and managerial value of administrative law]. *Zhurnal administrativnogo sudoproizvodstva* [Journal of Administrative Proceedings], 2, 38–48. (In Russ.).
- Perelman, Ch., & Olbrechts-Tyteca, L. (1969). *The New Rhetoric: A Treatise on Argumentation*. Notre Dame, London.
- Rowland, R. (1987). On Defining Argument. *Philosophy and Rhetoric*, 20 (3), 140–59.

Статья поступила в редакцию 06.10.2024; одобрена после рецензирования 26.05.2025; принята к публикации 27.05.2025.
The article was submitted 06.10.2024; approved after reviewing 26.05.2025; accepted for publication 27.05.2025.